

Без чувства глубокой благодарности

Моск. новости - 1994 - 16-23 мв - с 5А

Есть такой анекдот. Чукчу спрашивают: «Какие чувства вы испытывали до революции?» Он говорит: «Чувство голода и чувство холода». А какие чувства вы испытываете сегодня? «Чувство голода, холода и чувство глубокой благодарности». Так вот я должен сказать, что большую часть своей жизни я прожил, как этот чукча, постоянно испытывая эти три чувства.

Не знаю, как нынешнее, а наше поколение принимало все как должное, ни о чем не задумываясь, радуясь молодости и тому, что впереди. И я так жил. Что раньше было у меня хорошего? Много ролей. То, что цензура свирепствовала, так меня как артиста это не касалось. Это касалось постановщика, писателя, художника. Я же играл, как считал нужным. Причем это ощущение чукчи я испытывал (сейчас я понимаю) везде, где работал: в Магнитогорске, Оренбурге, Иркутске, Воронеже, Ташкенте, Грозном и в Москве, в Театре на Малой Бронной. И никогда не понимал, почему в каждом театре, где я работал, в партбюро, за редким исключением, всегда входили самые бездарные актеры. Теперь я понимаю: их нельзя было уволить за профнепригодность без санкций их самих! От них зависело все: прибавят ли мне десять рублей, дадут ли роль, пустят ли за границу или напишут «морально неустойчив», улучшат ли мои жилищные условия или же, как всегда бывало, будут держать меня в общежитиях, в многонаселенных коммунальках...

Отсутствие партбюро в сегодняшнем времени — одно из многого хорошего, что в нем есть. Но я к сегодняшнему времени не готов. Сейчас в нем хозяйничают две отвратительные дамы: Политика и Коммерция. С моей точки зрения, у Политики, какая бы она ни была, на уме одно: предложить человеку, как Мефистофель Фаусту, все блага, вплоть до омоложения, самой же забрать

у него немного совести, а лучше — всю жизнь сразу. Поэтому я политику ненавижу. И никогда не хотел и не хочу на политическую трибуну. Я видел, как умный, добрый, талантливый Олег Басилашвили бился на Верховном Совете за процент бюджета на культуру и у него ничего не получилось. На таких сборищах, как улица или Дума, решить, по-моему, ничего нельзя. Решать должен один человек. Если он хороший и талантливый — у него получится. Но в основном решает, к сожалению, плохой и неталантливый...

Вторая дама — крупная, увешанная бриллиантами женщина — Коммерция. В ее делах я совершеннейший профан, в этой области я бы назвал себя импотентом. А упомянутая дама подобных типов чувствует за версту и дела с ними иметь не желает. И правильно, я с нею в этом плане совершенно согласен. Меня этому не учили. И я завидую белой завистью некоторым моим коллегам, которые совмещают искусство и коммерцию.

Чтобы актеру попасть в коммерцию или политику, главное — тусовки. Теплоходные, телевизионные, курортные с халявным питьем и халявной едой. Мне же лучше сидеть и работать над новой ролью или взять в руки книгу. Но сейчас я в депрессии, у меня бессонница... В то же время снижать свою актерскую планку сейчас недопустимо, хотя это все сложнее: те 50 или 100 человек, бывшие когда-то в зале и задававшие определенный тон, мне кажется, покинули страну. Я это давно ощущаю. Публика стала менее наивной, ее реакции грубеют.

Ну и на что же я опираюсь сегодня? Как положено, три опоры. Первая — мой театр Ленком. Я не занимаюсь ни преподавательской, ни писательской, ни режиссерской работой. Я актер и обожаю роли. С Марком Захаровым репетирую в «Чайке» доктора

Леонид БРОНЕВОЙ,

актер

Дорна. Дорн мне кажется трагической фигурой, человеком несбывшейся мечты, невоплощенных желаний. Пожалуй, он жалеет лишь о том, что не покончил с собой в молодости, как сделал это Треплев. Но чтобы так покончить счеты с жизнью, надо быть или очень сильным, или просто сумасшедшим. Дорн ни тот, ни другой... Впрочем, актер не должен говорить о том, как он собирается играть. Может ли, например, повар объяснить вкус блюда, которое приготовил?

Вторая моя опора — моя жена, которую я люблю больше жизни. Без нее меня бы просто давно уже не было на свете. Я думаю, что эти две опоры — семья и работа — есть то, что ни у кого из нас не могут отнять названные выше жадные дамы.

И третья, последняя, опора — надежда, что, если у меня вдруг отключат отопление, никто уже не заставит меня испытывать вместе с чувством холода еще и чувство глубокой благодарности.